

© 2017 г.

Базынан Бизенгин

доктор экономических наук, профессор

(e-mail: r3bizengin@mail.ru)

Мадина Эннеева

доктор экономических наук, доцент

(Кабардино-Балкарский государственный аграрный университет)

(e-mail: madis@mail.ru)

В МИРЕ НАЗРЕВАЕТ СМЕНА СТРАНЫ-ГЕГЕМОНА

В статье проблема мировой гегемонии исследуется в контексте конкретной исследовательской задачи: как приобретается и как утрачивается мировая гегемония. Дается уточнение понятий гегемон, гегемония. Выявлены основные признаки гегемона. Рассмотрены существующие гипотезы «заката США» как гегемона. Выдвинута гипотеза об экономической модели как основе гегемонии США. Установлено, что США стали в XX веке мировым гегемоном благодаря тому, что в XIX в. создали конкурентоспособную модель экономики. Эта модель продолжает подпитывать экономическими ресурсами другие свойства гегемона. Но она же ведет к «закату гегемонии» США. Высказано мнение о перспективах появления нового гегемона. Проведено тестирование этих перспектив на примере Китая и России.

Ключевые слова: гегемон, понятие гегемон, признаки гегемона, экономическая модель США, рынок — свобода — конкуренция, рынок — капитализм — государственность — демократия, мигранты, американский рынок труда, динамические и структурные тенденции в нем, Китай, Россия.

Одной из важнейших задач современного общества является определение его перспектив. Актуальность задачи вызвана тем, что за последнее время появилось много самых разнообразных теорий и концепций развития с неоднозначной оценкой будущего¹. Анализ и обобщение наиболее значимых воззрений на существующий и будущий миропорядок наводит на мысль о том, что динамика миропорядка определяется тем, через призму каких отношений ее рассматривать. Есть отношения, которые по своей природе подчиняются так называемому «состоянию динамического хаоса», а есть отношения, которые носят характер «линейной динамики». Поэтому в зависимости от избранного контекста определяется в целом и представление о мировой динамике.

¹ *Snooks G. D.* The dynamic society. Exploring the sources of global change/ London, N.Y.: Routledge. 1996; *Kurzweil R.* The singularity is near. When humans transcend biology/ N.Y.: PG. 2005; *Неклесса А. И.* Реквием XX века // Мировая экономика и международные отношения. 2000. № 1. С. 3–14 *Панов А. Д.* Сингулярная точка истории // Общественные науки и современность. 2005. № 1 *Singularity hypotheses. A scientific and philosophical assessment / Eds. Eden A. H., Moor J. H., Soraker J. H., Steinhart E. (eds.)* Berlin — Heidelberg: Springer-Verlag 2012; *Назаретян А. П.* Мегаистория и её “загадочная сингулярность” // Вестник Российской академии наук. 2015. Т. 85. № 8. С. 755–763.

В системе международных отношений весьма продуктивной оказывается концепция *лидерства*¹, согласно которой любое развитие предполагает лидера², само появление которого связано с доминированием и выстраиванием иерархических отношений, формированием шлейфового характера мировой динамики.

Концепция лидерства позволяет моделировать миропорядок и прогнозировать развитие мир-системы. Но для различных уровней эта концепция требует разработки адекватного терминологического и категориально-понятийного аппарата. Полагаем, что в международных отношениях более корректно использовать термин *гегемон*. Он и исторически, и эпистемологически представляет данные отношения более корректно, хотя его часто в современных исследованиях стараются заменить более «современными» терминами: сверхдержава, супердержава, глобальное доминирование и т.п. Но, полагаем, что, во-первых, отношения, которые выражает понятие гегемон, реально существуют, а во-вторых, использование более упрощенных терминов не проясняет сути тех процессов, которые скрываются за такого рода терминологической подменой. В связи с чем следует более активно использовать и термин, и понятие гегемон. Уточним некоторые признаки данного понятия.

Гегемон, гегемония (греч. *ἡγεμών, ἡγεμονία*) – комплекс отношений между государствами, выражающих предводительство, формируемое первенством, превосходством в социально-политическом, экономическом, военном, технологическом, культурном отношениях. Как термин гегемон имеет расширительную интерпретацию от индивида до общественных институтов и даже иных (например, природных) объектов. Однако, вне зависимости от «объекта», он всегда выражает все то, что первенствует, доминирует, предводительствует. Изначально (Др. Греция, Др. Китай) термин используется чаще для характеристики социальных объектов – государств – и выражает военное и политическое превосходство, которое формируется техническими, технологическими новациями, а также людскими ресурсами. Примечательно, что всегда важнейшим признаком гегемона выступает военное доминирование, к которому постепенно добавляется геополитическое преимущество с соответствующими характеристиками территории, населения, экономики, техники, технологий, а также системы управления (администрацией). Гегемонию интерпретируют преимущественно как превосходство, которому приходится подчиняться. По-видимому, такой акцент сохранялся до середины XX в., когда сформировалось устойчивое представление о том,

¹ Богатуров А. Д., Косолапов Н. А., Хрусталева М. А. Очерки теории и методологического политического анализа международных отношений М. НОФМО.2002; Бжезинский З. Выбор. Мировое господство или глобальное лидерство / М.: Международные отношения. 2004; Вишневский М. Л. О доктрине «американского мирового лидерства» // США – Канада: экономика, политика, культура. 2005. № 9; Леташин В. В. Проблема глобального лидерства в современных международных отношениях // Вестник Волгоградского госуниверситета. 2005. № 10.

² Ошибочность абсолютизации такого взгляда доказываются так называемыми безлидерными структурами, которые нередки в естественных условиях. Но и в социализированных средах существование таких структур не редкостью; о чем см. Олескин А. В. Сетевые структуры в биосистемах и человеческом обществе / Изд. Стереотип. М., 2015, а также источники, которые приводятся в данной работе.

что военно-техническое превосходство не является приоритетным¹, хотя и признается важным свойством гегемона.

Начинается поиск иных признаков превосходства, в результате чего и само превосходство интерпретируется иначе². Во-первых, оно становится превосходством, основанном и достигаемым не на насилии и при помощи насилия, а на примере, во-вторых, акцент смещается в сторону гуманизма, а потому, в-третьих, основным признаком гегемонии становится культура, экономика, политическое и социальное устройство общества. Речь идет о том, что выработанные и закреплённые нормы поведения, представления, восприятия, верования, способы мышления, а также другие признаки «образа жизни», признаются культурной нормой. Когда эти культурные нормы принимают расширительную интерпретацию, т.е. понимаются как «ценности», поддерживаются техническими, технологическими, экономическими, политическими, а также военными средствами и международными институтами, и предстают в виде продукта, «готового к продаже и употреблению», то имеет место гегемония³. Создается

¹ По-видимому, это произошло еще до создания СССР «атомного оружия», но устойчиво отойдут от такого понимания и перейдут к новому, именно когда в СССР будет создано ядерное оружие и достигнут «паритет» в этой области. Последнее будет закреплено, когда появятся и другие ядерные державы, а затем будет создан «клуб ядерных государств» и сформулирован принцип «взаимного гарантированного уничтожения». По-видимому, именно в последнем случае отпадает доминанта военно-технического превосходства как базового принципа гегемонии. Появляется новая тенденция, при которой экономический рост и хозяйственное развитие не транслируются непосредственно в военно-техническую мощь, а транслируются в гуманистические ценности и проекты. Впрочем, уже в новом столетии в связи с разработкой «гиперзвукового оружия» вновь на первые позиции выходит военно-технический признак. Но поскольку в истории действует закономерность: военно-техническое доминирование никогда не бывает абсолютным и вечным — другая сторона рано или поздно находит симметричный либо ассиметричный ответ на военное-техническое доминирование, — то гегемон старается упрочить свое положение через другие признаки.

² В настоящее время используют большое количество методов, показателей и индикаторов для оценки статуса гегемона. Достаточно сказать, что такие прогнозы строят как публичные (например, Всемирный банк, Стокгольмский Международный институт по изучению проблем мира и др.), так и непубличные институты (например, Национальный совет по разведке США (NIC)). Подробно модели, методы, показатели и индикаторы представлены в *Bappoуз М. Будущее раскочено: каким будет мир в 2030 г. /Москва, Изд-во МИФ. 2015; Hughes B., Hillebrand E. Exploring and Shaping International Futures/ London. New York. Routledge. 2006.*

³ В связи с перечисленными свойствами следует заметить, что эти свойства всегда были базисными признаками гегемона. Взять любого гегемона в любую эпоху, везде присутствуют перечисленные признаки и важнейшим, без которого все остальные ничего не значат, является то, что гегемон формирует «новый миропорядок». Создается впечатление, что все предыдущие признаки создаются лишь для того, чтобы был сформирован у государства именно данный признак. Выработав в себе данный признак, государство как бы завершает принятие статуса гегемона и становится таковым в реальности. Речь идет о том, что гегемон создает новую институциональную систему отношений между государствами, в которой он занимает доминирующее положение и которая выступает своеобразной проекцией его статуса на межгосударственном уровне. Примечательно становление гегемона в этом признаке. Вначале государство, претендующее на роль гегемона, входит в существующие межгосударственные институты. Выполняет условия, которые «записаны в них». Затем, когда оно доминирует в таких сферах как технологическая, техническая, научная, политическая, военная, экономическая, оно начинает формировать свои так называемые международные институты, которые служат ему и уже при помощи данных институтов, включая в них также и остальные государства, но в явно подчиненной роли, транслирует свой статус и получает за него соответствующие дивиденды. Это и есть гегемон.

в целом притягательный образ превосходства, который никто никому насильно не навязывает, но к которому все тянутся как насекомые к цветку с нектаром, т.к. за этим лежат соответствующие экстерналии. Государство, которое способно трансформировать эти признаки в свой национальный проект (в так называемом Nation State-Building), становится гегемоном. Этот взгляд на гегемона устанавливается в XX веке и становится определяющим для европейского сознания. На этом контексте формируется в конце XX—начале XXI в. политика «мягкой силы», «умной силы» и т.п. уже не только в западной цивилизации, но и в других¹. Для России очень важно учитывать эти тенденции и не противопоставлять свое видение общечеловеческим ценностям, не демонстрировать свое скептическое и даже негативное отношение к ним.

Примечательно, однако, другое. Статус гегемона государство получает на время, т.е. этот статус приобретается и утрачивается, а не присутствует вечно. Есть два основных подхода к тому, как государство получает (и, соответственно, утрачивает) статус гегемона. Один рассматривает его через задачи, которые стоят перед сообществом, а потому как только актуальные задачи решены, тогда происходит смена гегемона. Другой рассматривает его как свойство, которое формируется внутренними структурными особенностями объекта. В обоих случаях продолжительность статуса гегемон складывается по-разному. В первом случае она связана с тем, как долго перед сообществом стоят задачи, в связи с которыми выдвинулся гегемон. Как только эти задачи решаются, свойства как бы исчезают, т.е. не актуализируются. В другом случае задача решается иначе, и для этого требуется разобрать несколько подробнее механизм институционализации гегемона.

Когда мы говорим о появлении у государства статуса гегемон в результате структурных изменений, то это означает следующее. Некоторое государство на каком-то этапе своего развития сталкивается с внутренними и внешними проблемами, называемыми нынче вызовы, на которые необходимо дать набор ответов. Для одних государств эти ответы могут носить локальный и к тому же несистемный характер. (По-видимому, многое определяется самими вызовами. Локальные вызовы не требуют «напряжения жизненных сил» и получают столь же локальный ответ. Напротив, глобальные вызовы требуют «напряжения жизненных сил» и требуют глобального ответа, который может быть только системным.) В другом случае государство подходит к делу комплексно и создает новую систему общественного устройства со всеми институтами:

¹ Nye, J. S. *Soft Power. The Means to Success in World Politics* / NY: Public Affairs., 2004; Crocker, Chester A. *Leashing the Dogs of War: Conflict Management in a Divided World* / US Institute of Peace Press, 2007; Борох О., Ломанов А. Скромное обаяние Китая // Pro et Contra. 2007. № 6 (39). С. 45–46; Русакова О. Ф. Soft power как стратегический ресурс и инструмент формирования государственного бренда: опыт стран Азии // Известия Уральского федерального университета. Сер.3. Общест. науки. 2013. № 3(118). С. 52–61.

экономикой, политикой, идеологией, армией, администрацией, культурой и проч. Вначале эта новая система решает локальные или текущие задачи. Затем, по мере развертывания программы, реагирует на следующие вызовы и, таким образом, постепенно по мере решения стоящих задач, формирует в себе определенные признаки, которые превращают его в гегемона. Все это говорит о том, что свойство гегемона есть свойство той программы, которая была заложена в проект нового устройства общества. Часто эта программа носит название модели («модель государства», «модель экономики», «модель культуры» и т.д.). Модели можно рассматривать как программные продукты, а можно и самостоятельно, как продукты модели. Впрочем, суть не в этой терминологической эквилибристике, а в том, что признаки гегемона моделируются самими субъектами.

Из высказанных положений следует, что гегемон формируется гегемоническими моделями развития, основной признак которых в том, что они активизируют все ресурсы на получение превосходства, преимущества перед другими, но не в каком-то отдельно взятом аспекте развития, а во всех, т.е. в аспекте достижения глобального превосходства.

Практика выделяет два способа выработки гегемонических моделей. Один — общество, выражаясь словами К. Маркса, случайно набредает на закон развития. Такое может происходить по так называемой логике «от противного». Чаще всего в мировой практике оно связано с тем, что данное государство вначале стремится к освобождению от другого. Затем это стремление государства приводит к обретению им статуса самостоятельного субъекта. Следующий этап — получения статуса равного. И завершение — получение превосходства над соперником и остальными; в результате происходит навязывание своего миропонимания и миропорядка другим-остальным; по-видимому, таков алгоритм развития¹. Другой способ — проектирование таких моделей. Речь идет о сознательном проектировании модели развития, реализация которой в перспективе приводит к обретению государством статуса гегемона. Для этого есть определенный круг теоретиков, которые разрабатывают проект общественного развития на основе анализа существующих и исторических моделей, логического анализа и иных методов. Затем этот проект внедряется практиками в жизнь. Примеры такого пути развития очень многочисленны, их можно без особого труда найти как в прошлой истории (начиная с библейских времен до античных и средневековых), так и в современной (начиная от известных реформ до мало известных проектов). Таким образом, можно говорить о созданном, или проектном, гегемоне и о случайном или непреднамеренном.

В настоящее время, по мнению многих исследователей, мировым гегемоном выступают США. И в этой связи заслуживает внимания

¹ Моисеев Н. Н. Алгоритмы развития / М.: Наука. 1987.

исследование природы американской гегемонии, признаков утраты ими данного статуса, а также событий, которые последуют за этим. В мировой литературе¹ этим вопросам в разном контексте уделяется повышенное внимание по понятным причинам. Во-первых, смена гегемона сопровождается катаклизмами в социальной, политической, хозяйственной, технологической и иных средах. Во-вторых, чем выше уровень развития в среднем по планетарной системе, и чем более однородно так называемое мировое сообщество, тем к менее резким, масштабным и длительным изменениям приводит смена гегемона. Напротив, чем более разнородно мировое сообщество, чем большими оказываются различия между странами в уровне развития, тем более резким, масштабным и длительным оказывается период смены гегемона. Обычные процессы социальных изменений сопровождаются глобальными войнами между странами, охватывающими континенты или большие территории. Не менее значительными оказываются политические, хозяйственные и прочие изменения внутри стран. Поэтому важно знать не только как США добились статуса гегемона, но и то, что будет происходить, когда они его утратят.

Последнее имплицитно содержит вопрос о продолжительности гегемонии США, а также кто станет следующим гегемоном? Что касается времени американской гегемонии, то на этот вопрос однозначного ответа нет, хотя общий формат, определяемый как «закат американской гегемонии», эксплуатируется уже более полувека. Кто-то говорит об уже начавшемся «закате США», который продлится в одних сценариях десятилетие, в других – полстолетия. Примечательно, что никто не выходит за столетие. Причем интересно, что эти горизонты событий формируются уже с прошлого века, и поэтому по некоторым из них уже можно провести проверку на корректность.

Примечательна и другая черта «заката американской гегемонии»: различные авторы связывают ее с разным контекстом; по-видимому, этим и объясняются вариации времени заката. Кто-то утверждает, что причиной «заката США» станет «американский плавильный котел», который не успевает «переплавлять» приток мигрантов и уже не может создать

¹ Поликарпов В. С. Закат Америки/ Изд-во Таганрогского радиотехнического университета. СПб – Ростов-на-Дону – Таганрог. 1999; Хантингтон С. Кто мы?: Вызовы американской национальной идентичности/ М. 2004; Hughes B., Hillebrand E. Spec. Compos., Crocker, Chester A, Spec. Compos., Гаррисон Дж. Америка: последняя империя. Конец истории по-американски / М. ГИППО. 2009; Brzezinski Z. Strategic Vision. America and the Crisis of Global Power/ New York. Basic Books. 2012; Global Trends 2030: Alternative Worlds. Publication of the National Intelligence Council. December 2012; Available at: <http://eurasian-defence.ru/sites/default/files/DS/Documents/global-trends-2030-rus.pdf> (accessed 22.11.2016), Мир после кризиса. Глобальные тенденции – 2025: меняющийся мир. Доклад Национального разведывательного совета США/ М. 2013; Валлерстайн И. и др. Закат империи США: кризисы и конфликты 2013; Стратегический глобальный прогноз 2030. Расширенный вариант. //ИМЭМО. РАН. Москва 2013; Барроуз М. Указ. соч.

социально и этнически однородное, а не антагонистическое общество; кто-то видит «закат Америки» в росте социальных и этнических конфликтов, росте социальной дифференциации общества, ведущей к борьбе между богатыми и бедными; кто-то — в созданной технико-технологической модели, которая превратится в своеобразный технический панцирь, не позволяющий пробиться новым технологиям и технике, приведет к отставанию США в техническом и технологическом плане, с последующим распространением негативного влияния и на другие сферы экономики (рабочую силу и проч.), общества и природы. Есть мнение о большой роли экологических проблем, ведущих к «закату Америки». Утверждается, что нынешняя система хозяйствования США и в целом «американский образ жизни» противоречат природной системе и что последняя активно деградирует. Причем скорость приближения к гибели постоянно ускоряется.

Есть мнение, что «гибель США» связана с милитаризацией. Объем средств, выделяемых на вооружение, кратно превосходит необходимый порог защиты и обеспечения безопасности. Но маховик милитаризации, который развивает ВПК США, невозможно остановить. Экономика, общество и природа надорвутся от растущих непроизводительных расходов на милитаризацию.

Есть сценарии, связанные также и с другими аспектами жизнедеятельности: от реалистических до мифических. Все их невозможно даже перечислить, не говоря о том, чтобы интерпретировать и верифицировать. (Кстати, уровень верификации многих из предложенных вариантов и сценариев довольно низкий. Но это вовсе не означает, что их не нужно изучать и тем более выдвигать.) Характерно, что сценарии «конца Америки» в зависимости от принятого контекста оказываются разными: от рационального до апокалиптического. По-видимому, поэтому и сам период гегемонии и утраты ее оказывается разным.

Следует огорчить сценаристов «скорого конца гегемонии США», которые в своих сценариях напрямую либо косвенно апеллируют к экономической модели США. Действительно, по мнению многих исследователей, в основе формирования США как гегемона лежит экономика¹. Именно благодаря своей экономической модели США из заурядной территории XVIII — XIX веков, становятся в XX веке экономической державой, которая вначале войдет в клуб экономических держав,

¹ В приведенном выше алгоритме становления гегемона модель экономики хотя и занимает важное место, но не является «затравочной». Затравку создает модель общественного устройства, идеология, которые стимулируют приток населения (мигрантов) в страну, позволяют в силу либеральных отношений в обществе проявляться таланту людей. А уже затем эти основные свойства модели общественного устройства: свобода выбора деятельности, вероисповедания, разделение властей, независимость судов, примат права, равенство всех перед законом, невмешательство государства в частную жизнь и т.д., транслируются также и на экономическую сферу, формируя в ней соответствующие институты.

а затем разделяет с СССР статус сверхдержавы, а уже с конца XX века становится единственной супердержавой, глобальный индекс мощи государства¹ которой превосходит потенциал всех остальных стран.

Об американской экономической модели написано много и у нас, и за рубежом. Это и понятно, не могли же оставить без внимания такой важный вопрос конкуренты. Обобщение исторического опыта развития США в области проектирования экономики указывает на то, что экономическая модель США содержит три важнейших конструкции: капитализм, государственность и рынок. Пока на европейском континенте народы и лидеры спорили о том, как соединить капитализм, рынок и государственность, в США эту задачу стали решать на практике, переводя абстрактные категории в соотношение государственного регулирования (степень вмешательства бюрократии) и рынка (до каких пределов распространяется свобода действий и чем она лимитируется), развитие предпринимательства и конкуренции, формирование институтов защиты частной собственности. В результате была сформирована модель экономики, основу которой составляет «высококонкурентный хозяйственный механизм, основанный на высокой степени экономической свободы хозяйствующих субъектов», который дополняют «высокоразвитое предпринимательство, пользующиеся поддержкой общества и государства», «относительно низкая доля государственной собственности в экономике», «высокая трудовая этика населения США, отсутствие традиции государственного патернализма, вера граждан в индивидуальный успех, опирающийся на собственные усилия», «технологический уклад, базирующийся на высокоразвитых науке и образовании, гибком диверсифицированном производстве, внедрении в производство инновационных технологий»², система национальных и глобальных ТНК, простирающих свое влияние на все континенты, проникающих во все сферы человеческой деятельности во всех странах, собирающих и использующих все ресурсы и развитую систему государственной защиты внутреннего национального рынка и поддержки национальных компаний как прямо и непосредственно, так и косвенно за счет активного переформатирования существовавших ранее и формирования новых региональных и международных институтов, (например, МВФ, МБ, ГАТТ и т.д.). Так Америка победила своих конкурентов и так она стала и продолжает оставаться гегемоном.

Таким образом, в настоящее время в США функционирует самоорганизующаяся модель экономического развития, содержащая четыре основных

¹ ГИМГ (глобальный индекс мощи государства) может быть оценен двумя индексами: 1) так называемым четырехкомпонентным индексом мощи, который включает такие показатели как ВВП, численность населения, военные расходы и технологии, 2) так называемым общим, который включает также состояние здравоохранения, образования, госуправление и проч. Более подробно структура ГИМГ, методы его расчета и проч. см. *Барроуз М.* Указ. соч.

² *Супян В. Б.* Американская экономическая модель: характерные черты и эффективность в начале XXI века // США–Канада: экономика, политика, культура. 2015. № 7. С. 5–6.

компонента: рынок, капитализм, демократию и государственность. Она как бы запрограммирована на любые изменения и адаптируется к любым изменениям глобального и локального характера и в этом смысле напоминает чем то «вечный двигатель». Исходя из чего многие исследователи делают вывод: «Сложившаяся американская модель экономики и доминирующее общественное сознание вряд ли позволят ее трансформацию, грозящую снижением экономической эффективности и эрозий краеугольных основ свободного предпринимательства»¹. Однако при ближайшем рассмотрении, которое предполагает максимально возможную пролонгацию имеющихся свойств американской модели в пространстве и времени, можно указать на ряд существенных недостатков в ней, которые при тех же определенных условиях могут стать для нее роковыми. Протестируем ее на перспективность, для чего изберем один важный индикатор гегемонии страны.

История различных гегемонов: Китай, Египет, Афины, Спарта, Персия, Македония, Рим и т.д. (это, так сказать, на евразийском театре, но их хватало также и на американском, африканском, а также австралийском), вплоть до наших дней, указывает на то, что как образование, так и утрата статуса гегемона связана с населением (численностью и различными структурами его). Из чего следует даже правило: государство, не имеющее определенной численности населения, не способно выработать в себе статуса гегемона, а стало быть, не может претендовать на статус гегемона. Отсюда следует, что для понимания природы образования и утраты государством статуса гегемона необходимо знать природу и характер роста численности его населения. До сего дня было два основных источника роста численности населения любой территории: естественный прирост и миграция. Но для характеристики гегемона в качестве индикатора того, появилось ли данное свойство, каково его состояние, утрачивает ли государство данный статус или же сохраняет, более важное значение имеет миграция.

Данная проблема получила в литературе (в т.ч. отечественной)² достаточно подробное исследование. Обобщение имеющихся статистических данных и их логический анализ позволяют предположить, что, во-первых, предложенный критерий и его индикаторы не сигнализируют (даже близко) не только об утрате США своей гегемонии, но и о каких-то признаках «заката гегемонии США». Во-вторых, экстраполируя проявившиеся в нашем индикаторе тенденции, можно говорить о том, что гегемония США только усиливается. Но даже при самом худшем варианте (речь идет о расовых, этнических, гендерных и прочих параметрах рынка труда³,

¹ Сулян В. Указ. соч. С. 6.

² Филиппенко А.А. Проблемы иммиграционной политики США в период 1990–2015 гг. // Дис. на соис. уч. степ. к. истор. наук. М. 2015; Сулян В. Указ. соч.

³ Сулян В. Указ. соч., С. 13.

которые со временем могут заметно изменить в сторону снижения конкурентоспособность американской экономики, и тем самым «снизить» прочность нынешнего статуса гегемона США), она не утратит ее до середины нынешнего века. Конечно, следует иметь в виду, что в нынешний век все процессы, которые проявлялись в прошлом, имеют свойство ускоряться и поэтому появившиеся где-то негативные процессы и падающие тенденции могут ускориться. Впрочем, даже при всем при этом, до конца первой трети века роль гегемона останется у США.

Однако историческая практика демонстрирует одну особенность: экономика может демонстрировать рост и поступательное развитие, общественное и политическое устройство оставаться прогрессивным, общество будет выделять большие средства на образование, науку, культуру, медицину, техническое и технологическое развитие, которые будут давать соответствующие результаты, тратить большие средства на оборону и безопасность, но государство будет утрачивать прежний статус гегемона. Причина такого состояния нами уже определена и заключается она в появлении нового гегемона. Но нам важно понимать, что является показателем (свидетельством) утраты государством статуса гегемона.

Попытка показать данный процесс через модель экономики, кажется, не удалась. Полагаем, последнее произошло в силу неверно выбранного метода индикации задачи, а не в силу допущенных в расчетах (и статистике) ошибок; просто потому, что статистика этой задачи не решает и, значит, задача не имеет статистического решения.

Но решение есть, и состоит оно в логическом критерии, т.е. государство утрачивает статус гегемона, когда его реальное состояние оказывается не соответствующим понятию гегемона.

Возвратимся к понятию гегемон и протестируем американскую реальность.

Понятие (категория) гегемон представляет собой культурную, социальную и политическую притягательность, техническое, технологическое и экономическое превосходство, военное доминирование, и, не в последнюю очередь, готовность реализовать эти качества для утверждения своей ведущей роли в мире, что в совокупности дает мандат на поддержание старого или формирование нового мирового порядка, т.е. на использование старых или создание новых институтов, регулирующих отношения между государствами, мандат на отслеживание их соблюдения, наказание нарушителей и поощрение исполнителей. Формально гегемония содержит следующие основные признаки: превосходство, лидерство, притягательность, доминирование в культурной, социальной, политической, экономической, технической, технологической и военной сферах жизни, которые дают мандат на создание старого или формирование нового мирового порядка, а также политическая воля и реализация этого мандата. Необходимо наличие всех перечисленных признаков, причем без

последнего вообще нельзя говорить о гегемонии. Повторяю, роль гегемона можно свести к способности доминировать в существующих и создавать новые институты миропорядка, наказывать нарушителей и поощрять исполнителей определенных норм миропорядка. Другое дело, что данное свойство становится возможным для государства при условии наличия также и других перечисленных свойств. Конечно, не все перечисленные свойства имеют одинаковый статус, но их наличие необходимо государству для того, чтобы иметь статус гегемона.

Обобщение исторического опыта позволяет заметить, что статус гегемона государство обретает тогда, когда имеет в наличии все основные признаки гегемона. Утрата основных признаков, а они, как правило, предстают в единстве (комплексно, системно), поддерживая друг друга, говорит об утрате государством статуса гегемона. Можно иметь сильную экономику, привлекательное социальное и политическое устройство (институты), передовые технику и технологии, но при этом не иметь статуса гегемона. Эта особенность наблюдается, например, у современных Германии и Японии. Обе страны имеют сильные экономики (Япония занимает третье, Германия четвертое место), демократическое социальное и политическое устройство, технически и технологически они относятся к наиболее развитым государствам на планете и тем не менее не являются гегемонами, т.к. не содержат одного из главных признаков гегемона — наличие мандата на формирование нового мирового порядка¹. Правда, если Германия имеет его (пусть не явно и не в полном объеме) в Европе (конкретно, в ЕС), то Япония не имеет его ни в АТЭС, ни даже уровнем ниже. Но именно наличие данного признака у государства делает его гегемоном.

В соответствии с предыдущим утверждением, начало времени гегемона для государства связано с оформлением у государства целостного комплекса признаков гегемона, а завершается — с утратой (распадом) этого комплекса, в котором важнейшим является наличие мандата на единоличное формирование нового мирового порядка. Так появляется возможность определения, по крайней мере, времени утраты статуса гегемона. Суть этой методической новации заключается в появлении нового актора — государства или союза государств — который либо сам начинает формировать новый мировой порядок параллельно с существующим и за это не бывает наказан (даже с помощью санкций), либо нарушает существующий порядок и опять же к нему не применяют санкций как к нарушителю конвенции. Оба случая имеют место и требуют пояснения.

¹ Значимость данного признака в статусе гегемона наиболее красноречиво озвучил предпоследний (44-й) президент США Б. Х. Обама в связи с проектом Транстихоокеанского партнерства (ТТП), который заявил: «Мы не можем позволить таким странам, как Китай, писать правила глобальной экономики ... Мы напишем их сами». // Обама: Отныне правило мировой торговли будут определять США, а не другие страны. Цит. по *Гаджиев К.* Большие трещины на «Великой шахматной доске» // Мировая экономика и международные отношения. 2017. Т. 61. № 1. С. 29–42.

США с начала 90-х и до 2008 г. почти единолично осуществляли формирование миропорядка, наказывая сами либо через соответствующие институты нарушителей и ослушавшихся и поощряя примерных исполнителей. Однако в дальнейшем гегемонии США было нанесено несколько ощутимых ударов. США неоднократно проявляли неспособность (прежде всего психологическую) отстаивать свое представление о должном в международных отношениях в ситуации с Грузией в 2008 г., а затем в ситуации с Крымом и событиями на Юго-Востоке Украины. США оказались не готовы противостоять стратегической активности России. В 2012 г. на саммите G-20 в С.-Петербурге Россия политико-дипломатическими средствами не допустила военной интервенции США и их союзников против Сирийской Арабской Республики. В этом проявилась всемирно-историческая роль России в преодолении гегемонизма США. Выявилось тоже, что попытки США «по-гегемонистски» не дали желаемого результата. Таким образом в отличие от США Россия в 2008–2016 гг. показала, что способна реализовать свой суверенитет и свое видение мирового порядка как дипломатическими, так и военно-техническими средствами.

Важно упомянуть и другое — инициирование Китаем в 2014 г. создания Азиатского банка инфраструктурных инвестиций (АБИИ) после того, как США не пошли на перераспределение доли в МБ в пользу КНР и других развивающихся стран в соответствии с их долей в мировой экономике. США отказались участвовать (хотя, что примечательно, в статусе «потенциальных членов-учредителей» АБИИ выступают Великобритания, Франция, Германия и другие страны). Наконец, еще одно событие произошло в январе 2017 г. уже в самих США — отзыв подписи под договором о Транстихоокеанском партнерстве (ТТП), хотя до того США активно участвовали в его проектировании. Этот последний случай указывает на то, что США рассматривают статус гегемона уже как бремя и добровольно отказываются от формирования нового порядка в одиночку в этой части планеты.

Таким образом, на основании приведенных «событий» можно говорить о, по меньшей мере, неполном соответствии с новым десятилетием реального состояния США понятию гегемона, и, по-видимому, уже можно говорить о начале утраты США гегемонии. Другой вопрос: как скоро это произойдет или как долго продержится гегемония США, какой будет эволюция передачи эстафеты. По-видимому, ответ на эти и другие вопросы зависит от того, кто будет следующим гегемоном.

Закат гегемонии США предопределяет появление нового гегемона. Перебор различных вариантов и конкретных претендентов позволяет высказать ряд предположений, которые основываются на определенных критериях, сформулированных выше. Очевидно, что в качестве гегемона не может выступить небольшое государство в силу отсутствия у него ресурсного потенциала. На сегодня несколько государств могут реально

претендовать на статус гегемона после того, как США его утратят. Наиболее часто называют: Китай, Россию, Индию, Пакистан, Бразилию. В наибольшей мере это относится к Китаю и России. Рассмотрим возможности этих государств.

Китай: тест на гегемонию. Китай, почти по общему признанию, является наиболее подготовленным к тому, чтобы принять от США эстафету гегемона¹.

Во-первых, экономический потенциал Китая не вызывает сомнений; считается, что не позднее 2020 г. Китай станет первой экономикой мира, превзойдя по валовым показателям США.

Во-вторых, научно-технический и технологический потенциал Китая ускоренно развивается и наращивается. Китай по уровню научно-технического и технологического потенциала уже входит в число передовых стран. Скоро Китай завершит у себя формирование пятого технологического уклада, и тогда страна будет развиваться в новых технико-технологических условиях.

В-третьих, военный потенциал Китая как с точки зрения наступательных, так и оборонительных вооружений также становится одним из самых передовых. Китай обладает техническими, технологическими, а также научно-производственными возможностями создания любого вида оружия, а стало быть, может как защитить себя от внешних угроз, так и «продать» с помощью военной силы экономические и политические решения в свою пользу на любом уровне.

В-четвертых, ресурсный потенциал Китая велик. Китайская экономика в состоянии полностью и самостоятельно обеспечить всеми необходимыми продуктами и товарами свое население. Кроме того, за последние десятилетия Китай активно наращивал ресурсный потенциал, заключая долгосрочные договоры с государствами, имеющими сырьевой потенциал, путем предоставления кредитов этим государствам либо участвуя в акционерном капитале в национальных компаниях различных стран и т.д. Африка, Латинская Америка, Австралия, Центральная Азия, Аравийский полуостров являются потенциальными поставщиками ресурсов и сырья для Китая.

В-пятых, Китай стал активно увеличивать свою долю в существующих международных институтах и параллельно создавать новые уже под своим доминирующим влиянием (например, АБИИ и ряд других). Стало быть, он приступил к проектированию нового мирового порядка, что является первым и наиболее значимым критерием гегемона. Таким

¹ *Наумов И. Н.* Стратегия экономического развития КНР в 1996–2020 гг. и проблемы ее реализации / М.: ИДВ РАН. 2001; *Салицкий А. И.* Китайская цивилизация в современном мире // *Мировая экономика и международные отношения*. 2003. № 8; *Гринин Л. Е.* Китайская и индийская модели экономического развития и перспективы мирового лидерства. «Модернизация экономики и общества» / Москва. 2013; *Киссинджер Г.* О Китае / Москва: Астрель. 2013; Мир после кризиса... Указ. соч.

образом, Китай действительно по основным формальным признакам становится гегемоном. Но будет ли он таковым в реальности? Очевидно, нет. Поясним.

Во-первых, (и это главное) Китай создал замкнутую цивилизацию не планетарного, а локального («островного») характера. Он создал императив этой цивилизации исходя из того, что окружающий его мир как бы неполноценен по сравнению с китайским миром, что Китаю нецелесообразно влиться во внешний мир и т.д. Таким образом, создав некогда высокую цивилизацию, Китай не продвинулся дальше и загнал себя как бы в угол. Все это говорит о том, что время Китая как гегемона ушло; оно было в те времена, когда он формировался как цивилизация. Нынешний Китай, если мы правильно понимаем его код¹, не способен преодолеть свой цивилизационный код (такую попытку делал Мао, но безуспешно) — свою цивилизацию, а без этого он не может построить новую цивилизацию планетарного масштаба. Поэтому Китай новейшего времени может быть либо «рядом», принимая участие с кем-либо при формировании нового мирового порядка, либо жить замкнуто — этаким «остров Китай». Создав в свое время самодостаточную цивилизацию со своим кодом развития, Китай не может адаптировать себе огромный мир и не может выступать гегемоном для всего мира. У него нет планетарного мышления и планетарного кода, проекта. Это видно хотя бы на примере его соседей с юга, севера и северо-востока, с которыми он наиболее близок. Таким образом, древняя китайская цивилизация закрывает современному Китаю путь к гегемонии.

Во-вторых, Китай не сможет быть гегемоном в планетарном масштабе (а нынешнее время — планетарное) потому, что он повязан с другими акторами мировой политики, войдя в клуб развитых государств, Китай активно встраивается в существующие мировые «клубы», пытаясь в них отвоевать свою долю, в соответствии со своим статусом, но по уже утвержденным правилам. Он не меняет правила. Не навязывает новых правил. Он принимает существующие правила и ведет себя как тот, кто пришел к столу по приглашению и, приняв это приглашение, он, следовательно, согласился с существующими правилами².

В-третьих, Китай не может быть гегемоном, т.к. никто не сможет повторить его опыт в силу того, что он оригинален по определению. Даже Индия, как наиболее приближенная по многим параметрам к Китаю, не сможет повторить опыт Китая. Поэтому Китай не способен повести кого-либо вперед за собой. Путь Китая неповторим.

Таким образом, Китай не может быть перспективным гегемоном в силу того, что он создал все, что не позволит ему стать иным.

¹ Никонов В. Код цивилизации. Что ждёт Россию в мире будущего? / Москва: Издательство «Э». 2015.

² Неспроста все китайские лидеры не устают повторять о том, что Китай привержен общему порядку, что это ответственное государство, что оно будет выполнять взятые на себя обязательства и т.п.

Россия: тест на гегемонию. У России имеются многие признаки будущего гегемона¹. Но может ли она им стать? У России, начиная, очевидно, уже с XV — XVI вв. образуются признаки гегемона, которые будут у нее присутствовать до последнего десятилетия XX века.

Ни одна другая страна мира, за исключением истинных гегемонов античного времени, не могла повторить того, что сделала Россия. Русские (Россия) за какие-то полстолетия с небольшим освоили Евразию, объединив разделенные народы и территории. На этом пути не обошлось без завоевательных войн («покорение Северного Кавказа»), но главным было то, что России удалось реализовать особый общественный проект, в основе которого лежал такой тип отношений между народами и институтами, который позволил объединить эти территории в единое сообщество. Между многими территориями и российским государством были заключены мирные договоры. Эти территории добровольно попросились под русское (российское) покровительство. В одном случае причиной была существовавшая рознь между территориями и Россия предоставляла защиту (покровительство) слабой стороне. В другом случае Россия предоставляла наилучшие условия для существования данных территорий, поэтому территория делала выбор в пользу союза с Россией, а не с другой страной (например, Китаем, Японией, Персией, Турцией, Швецией, Польшей и проч.). А потому вхождение в состав России было во многих случаях добровольным. Народы и элиты (как принято нынче выражаться) чаще сами просились в состав России, а не Россия присоединяла их. Одни — потому, что их угнетал более сильный и агрессивный сосед, который, кстати, после этого нередко сам оказывался в составе России, другие — потому, что самостоятельно не могли совладать с вызовами, выпавшими на их долю.

Казалось бы, в 90-е годы XX века после того, как распускается Варшавский договор, реформируется СЭВ, Россия предоставляет возможность «странам народной демократии» самостоятельно «вершить» свою судьбу. СССР не вмешивается в их внутреннюю политику. Происходит объединение Германии, «бархатные революции» в Венгрии, Чехии, Польше и т.д. Образуются новые государства. В 90-е годы эти процессы распространились на СССР и получили название «мирный развод».

Никто не учитывает, а если учитывает, то как-то не слишком явно, что этот «мирный развод» был обеспечен Россией; что именно Россия стала

¹ Литература по России огромна. Конечно, работы разного уровня: от откровенно апологетических и ненаучных до строго научных, индивидуальных, коллективных, аналитических, описательных, исторических и проч. Даже компендиум основных работ и причем только отечественных авторов, не говоря уже о зарубежных, составил бы объем добротной журнальной статьи. Поскольку целью настоящей рубрики является не изложение так называемой «степени изученности проблемы», а изложение своей точки зрения на проблему, то авторы сочли возможным не приводить здесь работ и авторов, которые могли бы быть представлены в качестве своеобразной «поддержки» изложенной точки зрения.

и инициатором, и вдохновителем, и руководителем «мирного развода». Ее авторитет, ее практическая политика, а не чей-то проект, обеспечили «мирный развод». При этом она меньше других оказалась в выигрыше от этих «бракоразводных процессов» 80–90-х годов. Достаточно отметить, что за пределами исторической этнической родины оказалось почти 20 миллионов русских, с которыми в новых государствах стали поступать отнюдь не всегда гуманно, хотя образованию новых государств на бывшей территории СССР способствовала сама Россия как добровольной передачей институтов государства, так и защитой их сохранности.

Однако все это привело к тому, что был нанесен огромный ущерб народнохозяйственному комплексу самой России. Может быть наиболее сильным ударом оказался разрыв хозяйственных связей между предприятиями бывшего СССР. Разрушение прежних хозяйственных связей ударило в первую очередь по промышленности и связанной с нею урбанистической составляющей России и привело к тому, что экономический потенциал России к концу 90-х годов упал кратно. Не менее «чувствительным» оказался разрыв научно-производственных цепочек, обслуживающих оборону и безопасность страны. Потребовалось формирование нового народнохозяйственного и научно-производственного комплексов, которое не закончено даже сегодня.

Если посмотреть на нынешнее состояние, то из России гегемона, кажется, не получается. Причина созданных за 90-е годы прошлого века и в начале XXI века новых межгосударственных образований (от союзного государства «Россия–Белоруссия», ЕАЭС до ОДКБ, ШОС, БРИКС), кажется, не дает убедительных свидетельств большой консолидирующей роли России. Во-первых, она лишь в некоторых из этих образований играет роль лидера, а в других либо делит лидерство, либо и вовсе остается в роли рядового члена. Во-вторых, она не притягивает государства и народы своим примером (привлекательностью), а побуждает их сближаться с нею либо ради получения от нее преференций и других выгод, либо из опасения, что они могут быть в той или иной форме поглощены ею. А это уже не признак гегемона. Это признак другого качества. В-третьих, Россия в настоящее время не располагает достаточными экономическими возможностями для формирования развитого экономического комплекса бывших республик СССР и эффективной интеграции их национальных хозяйств.

События второго десятилетия XXI века доказали способность России политико-дипломатическими и военно-политическими средствами влиять на международные отношения даже тогда, когда США и их союзники прибегают к действиям, противоречащим национальным интересам России. Можно вспомнить целый ряд событий, в которых выявились возможности России проявить свое доминирование. Однако нередко противоречивый характер, непоследовательность действий России вызывает сомнение в устойчивости данных признаков.

Исторический опыт существования государства-гегемона позволяет выделить две фазы этого статуса. Одна, когда государство обретает (создает) статус гегемона. Для первой фазы характерна последовательность, наращивание и расширение проявления гегемонистических признаков, тогда как для второй — фрагментарность, локализация, непоследовательность и несоизмеримость применения средств. Сказать на основании имеющихся фактов, какую фазу переживает нынешнее российское государство, однозначно не представляется возможным, т.к. в прошедшем 25-летию есть признаки и того, и другого. Чтобы делать однозначные выводы, требуется иметь более продолжительный временной горизонт, а также больший спектр событий. Ни того, ни другого у нас пока нет.

В принципе у России есть выбор между построением национального государства и супранационального государства. Движение к строительству национального государства приведет к утрате ею признаков гегемона. Напротив, существующие признаки супранационального государства гарантируют ей возможность быть гегемоном. В какую сторону «качнется маятник» современной русской истории, однозначно сказать пока невозможно, т.к. как и четверть века назад, все еще продолжают бороться две тенденции. Останется ли прежнее состояние их доминантно-субдоминантным, сегодня сказать пока невозможно.

Итак, подведем некоторые итоги нашему исследованию.

Первое — «закат США» в ближайшее десятилетие не предвидится, и США не утратят статус гегемона. В то же время с начала третьего десятилетия нового века в модели экономики США произойдут заметные (а в некоторых конструкциях существенные) изменения, которые могут затормозить ее развитие и, если не будет найдено их разрешение, то будет происходить потеря лидерских качеств США, а с ними и гегемонии.

Второе — появление нового гегемона, а значит смена гегемона откладывается, как минимум, до 2030 г. Правда, это вовсе не означает, что он уже сегодня не формируется. Однако, с точки зрения механизма экзогенной природы образования гегемона, т.е. с точки зрения глобальных вызовов США пока имеют все ресурсы и инструменты для реагирования на глобальные вызовы. С точки же зрения перспективного проектирования новой конкурирующей с США модели экономики и общества можно ожидать кардинальных перемен, т.к. американская модель не отличается универсальностью. Напротив, она основывается на конкретных принципах, которые выражают одно из направлений исторического развития, по-видимому, исчерпавшее свой позитивный потенциал. Конкурирующие с ней модели отчасти уже существуют и показали свою жизнеспособность как на севере Европы (скандинавские страны), так и в других странах (речь идет, конечно, в меньшей мере о длительном существовании Кубы или КНДР, а также о модели арабских и некоторых азиатских стран). Однако конкурентоспособность последних носит преимущественно

локальный характер, т.е. не имеет международного (и тем более планетарного) характера, как у США.

Третье — Россия по многим параметрам наиболее подготовлена, чтобы занять место гегемона. Но по большому счету в этом смысле ее время уже прошло. Ее гегемонизм в свою социалистическую эпоху сейчас уже исчерпал себя, и повторить прежнее уже не получится. Трудно полагать, что в будущем сложится ситуация, когда Россия вновь сможет стать доминирующей силой. Вероятнее всего, Россия постарается освоить западную (отчасти американскую модель) и добьется больших экономических результатов, но не в качестве мирового гегемона. Таким образом, возвращение к гегемонии за счет создания (воссоздания) нового проекта у России не получается. Пока можно скорее ожидать, что она безальтернативно выберет традиционную «капиталистическую модель». И тем не менее будущее мира достаточно непредсказуемо, нельзя исключать возможность другого варианта — глобальные вызовы могут сделать Россию нужной миру в качестве гегемона. Кое-что на это уже начинает намекать. Отсюда сильная оппозиция в лице США, Китая и некоторых других стран. К тому же можно предполагать, что актуальные глобальные вызовы будут иметь характер планетарный, а с ними справиться какой-либо отдельной стране, по-видимому, не удастся.

Четвертое — дефицит претендентов на гегемона, возможно, связан с тем, что время национальных государств ушло или уже уходит и им на смену приходят союзы государств (как ЕС, ЕАЭС и т.д.) и супранациональные государства. Поэтому наша ошибка в приведенном выше анализе может заключаться в том, что мы искали очередного гегемона в среде национальных государств, а его следовало бы искать среди союзов государств или супранациональных государств. Какая страна выступит инициатором процесса смены гегемона, сказать сегодня невозможно. Но маловероятно, что такую роль способна будет сыграть Россия, поскольку она пока не создала эффективной модели жизнеустройства общества и не может дать привлекательный для мира образ будущего.